

СЛОВО О ПОЭТЕ

(Оконч. Нач. на 1-й стр.)

перь один из немногих, отмеченных великим именем. Через весь город тянется дорога, которая ведет от Москвы к Ленинграду. Вдоль нее—старые домики, свидетели прошлого. На двух из них—мемориальные доски с Пушкинским силуэтом: это гостиница Пожарских и дом Олениных.

Как часто на призывный колокольчик открывались двери постоянного двора, чтобы принять поэта. Кажется, все тут временно, мимолетно. Но почти за тридцать остановок можно сродниться, привыкнуть к комнате, обжить ее, установить добрые отношения с «той самой Пожарской, что варит вкусный квас и жарит славные котлеты», даже суметь получить шесть лошадей, вместо положенных трех по чину, воспользоваться почтой и написать письмо своей милрой Натали.

Жизнь шла своим чередом. Человеческая, благословенная и мучительная. Жизнь великого поэта России и просто Пушкина, путешествующего по казенной надобности с подорожной в кармане.

Однажды он посоветовал Соболевскому:

«На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке...»

Его досуг был зыбким, забытье мгновенным. Скорей! К друзьям! К делам! И даже навстречу неизвестности. Только не ждать, будто понимал, что каждый день его жизни на счету у истории.

Наверное, самой тревожной была его дорога из Михайловского в Москву в начале сентября 1826 года. Его везли на допрос к царю, а привезли к русскому народу. Москва оказала поэту такие почести, каких не

ставался еще ни один пишущий на Руси.

Через несколько дней после возвращения Пушкина в Михайловское Вяземский на-, пишет ему: «Имя твое сделалось принадлежностью народною...»

И маленький Торжок, стоящий на пути поэта, был частью той народной России. «Что-то слышалось родное» ему и в песнях ямщиков, бравших его от Торжка. Всмотривался он в лица бедных торговцев, предлагавших свой товар — искусное золотое шитье, и «неповоротливый инвалид» на городской заставе провожал взглядом возок с великим седоком. А вечером, оставшись один, в маленькой комнатенке с окном на Ямскую, поэт предавался размышлениям. И писал. Какие мучительные думы тревожили его под сенью дорожного приюта? «Остановись в славном трактире Пожарского», он читает главу из книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»¹ под названием «Торжок». Горькие сетования и обиды на царскую цензуру вызывает это чтение. Тень Радищева, его вольнолюбивые пророчества волнуют Пушкина. И все это —мысли в дороге. Он весь устремлен в будущее, осмысливая настоящее.

Но бывали мгновения, когда простые движения души охватывали его существо. И тогда можно было отправиться к Олениным — премило поговорить об общих знакомых и напиться чаю из знаменитого «ампирного самовара», полистать старые журналы, поделиться журнальными **НОВОСТЯМИ**² столичного толка, погулять по парку, постоять на высоком берегу Тверцы. А завтра утром—в путь, к «своей, к своим»!

И однажды он навсегда

уедет от нас—и останется навеки в наших сердцах.

Каждый день люди идут в библиотеки, снимают со своих полок книги с бессмертными пушкинскими стихами, дети учатся читать и понимать прекрасное по его волшебным сказкам. Светлое, возвышенное слово читают пришедшие на погост Прутья: «Я помню чудное мгновенье...» Не для эпитафии это написано—для жизни. Снова и снова молодая жизнь приближается к тому, что порождено и одухотворено его именем. Входит под сень старинного парка Ганнибалов, открывает двери нового музея в Кишиневе, читает стихи в Болдине, листает его рукописи, покрытые торопливым, летящим почерком, жадно всматривается в его облик, ища отзвук своих дум и стремлений, молча склоняется перед бесхитро³стным и величавым памятником у стен Успенского собора.

Сегодня мы вновь пройдем по тем местам, где ходил Александр Сергеевич Пушкин. Наш взор увидит те же холмы и рощи, сердце воспримет родную землю, во многом изменившую свое лицо, но сохранившую добрую память о сыне земли русской. Живое ее воплощение —сегодняшнее торжество,

связанное с открытием бюста —памятника А. С. Пушкину.

Он вернулся в город, знакомый ему с детства, вер- I нулся к новой жизни, к но-⁴вым встречам с друзьями—читателями.

Пусть же сегодня, как лучшее доказательство нашей памяти, звучат стихи поэта:

—Но ве хочу, о другн,
умирать!

Я жить хочу, чтоб
мыслить и страдать;

И ведаю, мне будут

наслажденья

Меж горестей, забот и

треволненья:

Порой опять гармонией упьюсь,

над вымыслом слезами обольюсь,

й, мопсет быть, на мой закат

печальный

Блеснет любовь улыбою

прощальной.

В. КАШКОВА,

преподаватель педучилища.